

ДОСТОЕВСКИЙ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА (к 200-летию со дня рождения писателя)

DOI10.25991/VRHGA.2020.21.3.028

УДК 128

*В. Ш. Сабиров, О. С. Соина**

О «ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ» НАТУРЫ ЧЕЛОВЕКА**

На материале романа «Преступление и наказание» рассматривается дар Ф. М. Достоевского как художественно-антропологического экспериментатора. Р. Раскольников совершает сложно мотивированное преступление, главным мотивом которого является стремление через убийство старухи-процентщицы осознать себя принадлежащим к «необычным» людям, возвышающимися над добром и злом, имеющим право судить и наказывать кого бы то ни было. Этот жуткий антропологический эксперимент, задуманный и осуществленный Раскольниковым над самим собой, не удался, ибо его человеческая натура не выдержала содеянного им преступления и он невольно стал совершать поступки, его разоблачающие. Поскольку его натура не была создана для преступления и на деле в ней сохранилась подлинная человечность, она и повела себя так «предательски». В статье детально рассматривается понятие природы человека в трактовке Ф. М. Достоевского, опирающегося на восточно-христианскую антропологическую традицию.

Ключевые слова: преступление, «кровь по совести», натура человека, «кожаные ризы» аберрация совести, идейная моноomania, сверхчеловек, вина, человечность, любовь, возрождение.

V. Sh. Sabirov, O. S. Soina
ABOUT THE "BETRAYAL" OF HUMAN NATURE

Based on the material of the novel "Crime and punishment", the authors consider the talent of F. M. Dostoevsky as an artistic and anthropological experimenter. R. Raskolnikov

* Сабиров Владимир Шакирович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики; sabirov-soina@211.ru;

Соина Ольга Сергеевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и истории, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики; sabirov-soina@211.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-90001\19.

commits a ambiguously motivated crime, the main motive of which is the desire to realize oneself as belonging to “unusual” people who rise above good and evil, who have the right to trial and punishment over anyone. This terrible anthropological experiment, conceived and carried out by Raskolnikov on himself, failed him, because his human nature could not stand the crime he had committed, and he unwittingly began to commit acts that exposed him. Since his nature was not created for crime, and in fact it retained a genuine humanity, it behaved so “treacherously”. The article deals in detail with the concept of human nature in the interpretation of F. M. Dostoevsky, based on the Eastern Christian anthropological tradition.

Keyword: crime, “blood on conscience”, human nature, aberration of conscience, ideological monomania, Superman, guilt, love, humanity, revival.

Рассудок знает только то, что успел узнать (иного, пожалуй, и никогда не узнает; это хоть и не утешение, но отчего же этого и не высказать?), а натура человеческая действует вся целиком, всем, что в ней есть, сознательно и бессознательно, и хоть врёт, да живет.

Ф. М. Достоевский. Записки из подполья

Ф. М. Достоевский до сих пор является одним из наиболее читаемых авторов. Его художественный авторитет непоколебим, а его творческое наследие до сих пор привлекает внимание знатоков и истолкователей его творчества. Он также по праву занял место одного из величайших мыслителей человечества, несмотря на то что не написал ни одного собственно философского трактата! Однако в то время как Ф. М. Достоевский уже достаточно хорошо изучен как писатель и мыслитель, как это ни парадоксально, остается практически неисследованным его уникальный дар художественно-антропологического экспериментаторства, т. е. его способности ставить своих персонажей в самые необычные житейские обстоятельства, детально исследуя при этом характер их поведения и реакцию на них окружающих людей. Так, можно с полной уверенностью утверждать, что ряд его произведений представляет собой виртуозно поставленные и безупречно срежессированные художественно-антропологические эксперименты, где посредством неподражаемого творческого мастерства писателя показано, как порой в невыносимых по тяжести житейских обстоятельствах испытываются душа человека, его свобода, ум, воля, характер. В этих искусственно созданных писателем условиях существования, зачастую совершенно провокационного свойства, человек действительно раскрывает себя в полной мере, совершая неожиданные поступки, среди которых равным образом возможны и нравственные падения, и духовные взлеты.

Мотивы преступления Раскольникова

В данной статье мы сосредоточимся на романе «Преступление и наказание», который также в целом представляет собой некий уникальный художественно-антропологический эксперимент, не имеющий аналога во всей мировой литературе.

Так, с нашей точки зрения, Ф. М. Достоевский в этом романе пытается понять, как себя поведет себя человек, замысливший сложно мотивированное преступление, поскольку в его основе лежат: во-первых, экономический

фактор (крайняя нищета и абсолютная «тупиковость» жизненного положения Раскольникова); во-вторых, сознательно прокламированная жажда социальной справедливости, оформляемой им в виде своеобразной идеи-фикс, некой мономании, осознаваемой им как ожесточенная потребность восстановить всячески попираемую социумом социальную справедливость:

Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь! Сотни, тысячи, может быть, существований, направленных на дорогу; десятки семейств, спасенных от нищеты, от разложения, от гибели, от разврата, от венерических больниц, — и все это на ее деньги. Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленье тысячами добрых дел? За одну жизнь — тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен — да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна. Она чужую жизнь заедает... [1, с. 54];

в-третьих, глубокое, духовно обусловленное стремление преступить запретную для людей роковую «черту», за которой злодеяние как бы само собой превращается в подвиг, а преступление перестает быть таковым и знаменует нечто столь великое, что решившийся на «кровь» человек может разом превратиться в подобие Наполеона, возвысившегося над добром и злом, и, таким образом, осуществить в себе радикальный онтологический переворот, отдаляющий его от остальной, серой и убогой человеческой массы («Тварь ли я дрожащая или право имею...» [1, с. 322]). Иначе говоря, Раскольников замыслил произвести над самим собой, над собственной человеческой природой некий чудовищный антропологический эксперимент, дабы на деле убедиться в своей принадлежности к некоей особой элите «необычных» людей.

Надо сказать, что писатель с усердием и методичностью истинного «естествоиспытателя» наблюдает процесс реализации Раскольниковым этого чудовищного «эксперимента», выявляя чрезвычайно много несовпадений между замыслом и реализацией преступления, между, так сказать, «теорией» и «практикой», планом «предприятия» и реальными обстоятельствами его осуществления. Более того, затем писатель испытывает своего героя уже в плане маскировки им своего уже совершенного злодеяния, а также попыток избежать разоблачения следователем и другими людьми, равно как и полагающегося ему, как преступнику, наказания за убийство двух человек с последующим ограблением их имущества. Наконец, и это самое главное, в романе Ф. М. Достоевский исследует очень сложный духовно-нравственный процесс саморазоблачения Раскольникова, крах его личностных притязаний, а также драму и трагедию преступника, содержащего в себе самом невыносимую муку и жесточайшее наказание за содеянное.

Натура человека по замыслу Ф. М. Достоевского

Одним из главных помощников писателя, можно сказать, прямым и непосредственным «руководителем» его художественно-антропологического

эксперимента является гениальный следователь Порфирий Петрович, оказавший тончайшим знатоком потаенных глубин человеческих душ, вследствие чего прекрасно понимающем поведение и психологию людей, дерзнувших совершить тяжкое преступление:

Ну, так вот-с, продолжаю-с: остроумие, по-моему, великолепная вещь-с; это, так сказать, краса природы и утешение жизни, и уж какие, кажется, фокусы может оно задавать, так что где уж, кажется, иной раз угадать какому-нибудь бедняккому следователю, который притом и сам своей фантазией увлечен, как и всегда бывает, потому тоже ведь человек-с! Да *натура-то* бедняккого следователя выручает-с, вот беда! А об этом и не подумает увлекающаяся остроумием молодежь, «шагающая через все препятствия» (как вы остроумнейшим и хитрейшим образом изволили выразиться). Он-то, положим, и солжет, то есть человек-то-с, **частный-то случай-с**, incognito-то-с, и солжет отлично, наихитрейшим манером; тут бы, кажется, и триумф, и наслаждайся плодами своего остроумия, а он — хлоп! да в самом-то интересном, в самом скандалезнейшем месте и упадет в обморок. Оно, положим, болезнь, духота тоже иной раз в комнатах бывает, да все-таки-с! Все-таки мысль подал! Солгал-то он бесподобно, а на *натуру-то* и не сумел рассчитывать. Вон оно, коварство-то где-с! Другой раз, увлекаясь игривостию своего остроумия, начнет дурачить подозревающего его человека, побледнеет как бы нарочно, как бы в игре, да **слишком уж натурально** побледнеет-то, слишком уж на правду похоже, ан и опять подал мысль! Хоть и надует с первого раза, да за ночь-то тот и надумается, коли сам малый не промах. Да ведь на каждом шагу этак-то-с! Да чего: сам вперед начнет забегать, соваться начнет, куда и не спрашивают, заговаривать начнет беспрерывно о том, о чем бы надо, напротив, молчать, различные аллегории начнет подпускать, хе-хе! Сам придет и спрашивать начнет: зачем-де меня долго не берут? хе-хе-хе! И это ведь с самым остроумнейшим человеком может случиться, с психологом и литератором-с! *Зеркало натура*, зеркало-с, самое прозрачное-с! Смотри в него и любуйся, вот что-с! Да что это вы так побледнели, Родион Романович, не душно ли вам, не растворить ли окошечко? (нежирный курсив наш. — В. С., О. С.) [1, с. 263–264]

Так вот, в данной статье мы как раз бы и хотели детально рассмотреть феномен НАТУРЫ человека, чтобы понять ее роль в совершении и укрывательстве преступления, а главное — в саморазоблачении, самообличении, признании и последующем претерпевании наказания преступником.

С нашей точки зрения, натура человека у Ф. М. Достоевского-художника обладает строго индивидуализированными характеристиками, об этом убедительно свидетельствует не только приведенный выше монолог Порфирия Петровича, но и суждения Разумихина, сомневающегося в причастности к убийству маляра Николая:

...неужели ты, доктор, ты, который прежде всего человека изучать обязан и имеешь случай, скорей всякого другого, натуру человеческую изучить, — неужели ты не видишь, по всем этим данным, что это за натура этот Николай? Неужели не видишь, с первого же разу, что все, что он показал при допросах, святейшая правда есть? [1, с. 109].

Вообще понятие природы довольно часто встречается в романе, это слово употребляется в прямой речи писателя или его героев. Однако было бы

ошибочным полагать, что натура есть просто какая-то специфическая черта характера отдельного индивида, пусть даже главенствующая (предположим, алчность, скупость, добродушие, безалаберность, честность и т. д.). Более того, натура человека ни в коей мере не привязана и к определенным психотипам. Здесь уместно напомнить широко известное самоопределение писателя, объяснявшего современникам и потомкам смысл и предназначение его творческого гения: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т. е. изображаю все глубины души человеческой» [4, с. 65]. Следовательно, пытаюсь понять феномен натуры человека, открытой, понятой и пронизательно истолкованной Ф. М. Достоевским, необходимо, следуя его особой духовно-творческой «методологии», получить доступ именно в сокровенную глубину души человека, готовящегося совершить или уже совершившего преступление.

Правда Божья, земной закон и натура человека

В одном из писем к М. Н. Каткову Ф. М. Достоевский дает такое объяснение поведения Раскольникова и отчасти других преступников:

Несмотря на то что подобные преступления ужасно трудно совершаются — то есть почти всегда до грубости выставляют наружу концы, улики и проч. и страшно много оставляют на долю случая, который всегда почти выдает виновных, ему — совершенно случайным образом — удается совершить свое предприятие и скоро и удачно.

Почти месяц он проводит после того до окончательной катастрофы. Никаких на него подозрений нет и не может быть. Тут-то и разворачивается весь психологический процесс преступления. Неразрешимые вопросы встают перед убийцею, неподозреваемые и неожиданные чувства мучают его сердце. *Божья правда, земной закон* (курсив наш. — В. С., О. С.) берет свое, и он — кончает тем, что принужден сам на себя донести. Принужден, чтобы хотя погибнуть в каторге, но примкнуть опять к людям; чувство разомкнутости и разъединенности с человечеством, которое он ощутил тотчас же по совершении преступления, замучило его. *Закон правды и человеческая природа* (курсив наш. — В. С., О. С.) взяла свое, убеждение внутреннее, даже без сопротивления. Преступник сам решает принять муки, чтоб искупить свое дело. Впрочем, трудно мне разъяснить вполне мою мысль. ... В повести моей есть, кроме того, намек на ту мысль, что налагаемое юридическое наказание за преступление гораздо меньше устрашает преступника, чем думают законодатели, отчасти и потому, что он и сам его нравственно требует [5, с. 136–137].

Обратим внимание читателя на ряд моментов, отмеченных самим писателем.

Во-первых, он утверждает, что существует *Божья правда (закон правды)*, нарушение которой посредством преступления (убийства) неизбежно производит в убийце перестройку его внутреннего душевного мира, в который вторгаются новые, неожиданные для него мысли и переживания, не могущие не отразиться также на его внешнем поведении, кажущимся в лучшем случае неестественным для него, а в худшем — эксцентричным и вызывающим.

Во-вторых, писатель особо выделяет также *земной закон*, действующий с жесткой необходимостью, производящий в преступнике глубокие перемены в его внутреннем состоянии, внешнем облике и поступках.

В-третьих, Достоевский утверждает, что человеческая природа «берет свое». В данном случае, по нашему убеждению, человеческая природа — это и есть та самая натура, на которую так настойчиво указывает Порфирий Петрович, видящий в ней зеркало человеческой души с буквально отраженным в нем совершенным преступлением. Мы уверены также, что натура человека в полной мере проявляется, согласно терминологии К. Ясперса, в особых пограничных ситуациях, предполагающих резкое и зачастую трагическое нарушение норм, правил и привычек человеческого общежития и обыденности индивидуального бытия. Несомненно, что и убийство одним человеком другого относится именно к таким ситуациям, если, разумеется, речь идет не о временах войн, революций и других социальных катаклизмов, где убийства превращаются уже в обыденные факты.

Итак, по Ф. М. Достоевскому, получается, что из-за преступления человек разом нарушает и Божественный порядок бытия, и земной человеческий закон, под которым, смеем предположить, писатель имел в виду не только юридические законы государства, но и гораздо более глубокие, онтологические законы существования человека на земле: земли как почвы, вечной теллурии, рождающей, сохраняющей и удерживающей от распада устои человеческого рода, а также и великой человеческой общности (народа), вне которых он не может ни просто жить естественной жизнью, ни стать человеком, т. е. обрести себя в деле, семье и призвании, ни, наконец, открыть и явить миру подлинный смысл своего существования (см.: [10, с. 211–221]). Замечательно, что именно Соня Мармеладова, «падшее» существо, по глубокому убеждению всех социально благополучных героев романа, того же Лужина, например, смогла в полной мере постичь онтологическую глубину духовного падения преступника, выразив тем самым излюбленную мысль писателя:

Встань! (Она схватила его за плечо; он приподнялся, смотря на нее почти в изумлении.) Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: «Я убил!» Тогда Бог опять тебе жизни пошлет [1, с. 322].

Нет страдания без вины

Несомненно, что Раскольников вплоть до совершения преступления чрезвычайно страдал и физически, и морально: от нищеты, неустроенности жизни и отсутствия каких-либо существенных перспектив в плане социального преуспевания, а главное — от невозможности спасти от прозябания и возможного социального и нравственного падения своих ближайших родственников — мать и сестру, любимых им отчаянной, почти болезненной любовью. Однако совершив убийство двух женщин с их ограблением, которое, как он предполагал изначально, должно было как-то поправить его материальное положение, он только усугубил свои страдания, приобретшие теперь уже совершенно другое измерение: и метафизическое, и онтологически-экзистенциальное.

Так, по существу вещей, Раскольников, как и всякий человек, совершивший тяжкое преступление, неизбежно посягнул на *внутреннее существо самой жизни*, представляющей собой некую нерасчлененную целостность, где каждый

фрагмент человеческих отношений вплетен в единую и бесконечную ткань бытия, вечно живую и мощную, разрыв или покушение на глубочайшее единство которой неизбежно провоцирует разрушение духовно-душевного устройства человека. Именно поэтому посягательство на жизнь в любых формах несет возмездие в самом себе, сложное действие которого обнаруживается в самой экзистенции человека, выступающей как онтологическая коллизия целостности бытия и его уничтожения; друженности жизни и ее враждебности, судьбы и возмездия. Очень глубоко понял этот онтологический закон Гегель:

Уничтожение жизни не есть ее не-бытие, но есть ее разъединение; и уничтожение заключается в том, что жизнь преобразуется во врага. Она бессмертна и, будучи уничтоженной, предстает как страшный призрак самой себя, утверждающий все свои порождения, выпускающий своих Эвменид. Заблуждение преступника, который, убивая чужую жизнь, думает расширить тем самым свою, имеет своим следствием то, что отошедший дух уничтоженной жизни предстает перед преступником; предстает подобно Банко, который пришел к Макбету как друг и которого убийство не уничтожило: он тут же вновь занял свое место; но уже не как соучастник пира, а как злой дух. Преступник полагал, что нанесет удар чужой жизни, но разрушил лишь свою собственную, так как жизнь от жизни неотделима, ибо жизнь есть лишь в едином Божестве. В своем высокомерии он, правда, совершил разрушение, но разрушил он лишь доброжелательность жизни, он превратил жизнь в своего врага. <...> Теперь оскорбленная жизнь встает перед преступником в образе враждебной силы и наносит ему те же удары, какие наносил он; таким образом, кара в лице судьбы также есть следствие самого преступления, сила, вооруженная самим преступником, враг, созданный им самим [6, с. 124].

По словам Гегеля,

всюду, где жизнь оказывается оскорбленной, с каким бы правом, с какой бы убежденностью в законности своих действий это ни было совершено, там выступает судьба. Поэтому мы вправе утверждать, что невинного страдания не бывает, страдание всегда есть вина [6, с. 128].

Это глубоко парадоксальное проявление духовно-нравственного возмездия, становящегося трагической и неотвратимой судьбой человека, предстающей во всемогуществе всех ее фатальных атрибутов: экзистенциально-углубленного страдания, духовно-нравственных мук и потрясений, а также неискупаемой вины, в образной форме представлено замечательными словами ап. Павла: «Страшно впасть в руки Бога живого» (Евр. 10: 31).

Натура как религиозно-философский феномен

Божья правда, о которой говорит Ф. М. Достоевский, есть не что иное, как *Божественная Любовь*, преломляющаяся в каждом индивиде через других людей: родителей, близких, чья любовь усиливает или ослабляет эту Божественную любовь-правду. Именно Божественная любовь, с нашей точки зрения, воплощается в *личностный логос* конкретного человека, представляя собой предначертанное Богом его особое предназначение, созидающее уникальный внутренний облик и жизненное поприще индивида. Это есть личность чело-

века, дарованная ему свыше Божественной Любовью, Которая и отличает людей друг от друга.

Относительно Раскольникова можно с уверенностью сказать, что его личный логос не мог не испытать сильной и беззаветной любви его матери и сестры, воспринимавших сына и брата как надежду на лучшую жизнь своего не очень счастливого семейства. Является ли личностный логос Родиона Раскольникова его натурой? Нет, не является. Ибо он, по сути дела, есть идеал, к которому он должен стремиться, к тому же он-то как раз и повлиял на его натуру так, что та дрогнула и повела себя «предательски». Следовательно, его подлинной натурой выступает нечто совсем другое.

В христианской антропологии для обозначения человеческой природы после грехопадения используется понятие «кожаные ризы» («Христианское мирозерцание объясняет это неестественностью состояния, в котором человек оказался после падения и в котором протекает вся человеческая история» [8, с. 99]), которое не следует путать с человеческим телом, ибо отцы Церкви очень твердо высказывались об этом вопросе, движимые заботой выразить существенное для христианства представление о том, что тело и душа составляют единую неразделенную природу человека. Так вот, с нашей точки зрения, натура человека и есть именно те самые «кожаные ризы», в которых отцы Церкви представляли себе образ падшего человека, его душу и тело в их целокупном единстве. Так, если эдемский человек жил любовью к Богу и, обладая духовным телом, не знал добра и зла, веры и надежды, совершенно излишних в условиях первозданного состояния, то падший человек, уже облаченный в «кожаные ризы», стал не только носителем дебелого физического тела, но и начал различать добро и зло посредством совести, отсутствовавших у Адама и Евы во время их пребывания в Раю, и, наконец, в нем зародились вера (в Бога прежде всего, ибо он перестал видеть Его своими чувственными глазами, в то время как именно вера открывала его духовные способности к восприятию и постижению сверхчувственного), а также... надежда (т. е. ожидание помощи Свыше, в которой эдемский человек также еще не нуждался). Таким образом, падший человек оказался носителем совсем другой антропологической природы, где его новая «натура» есть единство онтологически универсального и индивидуально неповторимого сочетания элементов поскостороннего и потустороннего, смесь любви и ненависти, добра и зла, духовно возвышенного и материально низменного, гордыни и смирения, — словом, всех тех качеств, которыми обладает каждый индивид в индивидуально-неповторимых пропорциях своей общечеловеческой природы. Надо сказать, что индивидуальную неповторимость человеческой природы в значительной мере может придавать ей и ее доминанта [11], т. е. особая сосредоточенность индивида на каком-то жизненном поприще, задании, прихоти, которым он отдается всем своим существом в определенный период своей жизни. Безусловно, у Раскольникова даже в его относительно короткой биографии преобладали особые жизненные доминанты. Можно предположить, что в студенческие годы он всем своим существом желал получить хорошее образование, приобрести известность в обществе в качестве литератора-мыслителя и упорно трудился, полагая в этом смысл и назначение своей жизни. Однако хроническая материальная неустроен-

ность, отсутствие надежных источников дохода, приведшие его к откровенной нищете, постепенно сформировали в нем новую доминанту — преступника с «идеями», замыслившего и осуществившего убийство и грабеж старухи-процентщицы. Встреча с Соней Мармеладовой, надо полагать, положила начало зарождению в нем новой доминанты: установки на искупление преступления и возрождение к новой жизни.

Натура, совесть и человечность Раскольникова

Наконец мы подошли к чрезвычайно важному понятию, характеризующую натуру человека как обладателя «кожаных риз». Речь идет, безусловно, о совести как особом функциональном органе человека [7, с. 11]. Обратим внимание на ряд моментов, непосредственно относящихся к роману великого писателя и проблематике данной работы.

Во-первых, вслед за Ф. М. Достоевским, утверждавшим, что «совесть без Бога есть ужас, она может заблудиться до самого безнравственного» [4, с. 56], мы полагаем, что возможны различные варианты *аберрации совести*, т. е. отступлений ее от Истины, которые могут направлять человека не на путь добра, но, напротив, побудить его служить злу, причем под самыми благовидными предложениями. Характерно, что Раскольников как раз демонстрирует в романе такого рода аберрацию совести, когда пытается оправдать готовящееся убийство старухи-процентщицы идеалами социальной справедливости. После совершения преступления, даже в первый год каторги, он все еще оставался в убеждении правомерности «крови по совести»:

Преступление? Какое преступление? — вскричал он вдруг, в каком-то внезапном бешенстве, — то, что я убил гадкую, зловредную вошь, старушонку процентщицу, никому не нужную, которую убить сорок грехов простят, которая из бедных сок высасывала, и это-то преступление? Не думаю я о нем и смывать его не думаю. И что мне все тычут со всех сторон: «преступление, преступление!» [1, с. 400]

Более того, нежелание признать свою вину и раскаяться проистекало из гипертрофической гордости и, как следствие, безудержного морализма Раскольникова:

Вот они спуют все по улице взад и вперед, и ведь всякий-то из них подлец и разбойник уже по натуре своей; хуже того — идиот! А попробуй обойти меня ссылкой, и все они взбесятся от благородного негодования! О, как я их всех ненавижу! [1, с. 401]

Во-вторых, у Раскольникова имеется еще одна, гораздо более «смелая» претензия: совершить убийство и вообще преодолеть в себе совесть как таковую, возвысившись таким образом в качестве нового «сверхчеловека», «Наполеона», разом подняться над добром и злом. Вот как выглядит эта его «теория»:

Сначала — впрочем, давно уже прежде — его занимал один вопрос: почему так легко отыскиваются и выдаются почти все преступления и так явно обозначаются следы почти всех преступников? Он пришел мало-помалу к многообразным и любопытным заключениям, и, по его мнению, главнейшая причина заключается

не столько в материальной невозможности скрыть преступление, как в самом преступнике; сам же преступник, и почти всякий, в момент преступления подвергается какому-то упадку воли и рассудка, сменяемых, напротив того, детским феноменальным легкомыслием, и именно в тот момент, когда наиболее необходимы рассудок и осторожность. По убеждению его, выходило, что это затмение рассудка и упадок воли охватывают человека подобно болезни, развиваются постепенно и доходят до высшего своего момента незадолго до совершения преступления; продолжают в том же виде в самый момент преступления и еще несколько времени после него, судя по индивидууму; затем проходят так же, как проходит всякая болезнь. Вопрос же: болезнь ли порождает самое преступление или само преступление, как-нибудь по особенной натуре своей, всегда сопровождается чем-то вроде болезни? — он еще не чувствовал себя в силах разрешить. Дойдя до таких выводов, он решил, что с ним лично, в его деле, не может быть подобных болезненных переворотов, что рассудок и воля останутся при нем, неотъемлемо, во всё время исполнения задуманного, единственно по той причине, что задуманное им — «не преступление...» [1, с. 58–59]

Собственно говоря, вот эта-то «теория» и стала духовным источником чудовищного эксперимента, который Раскольников произвел над самим собой. С точки зрения самого инициатора этого эксперимента, «теория» была правильной, а вот ее проводник в жизни, т. е. он сам, весьма оплошал:

Старушонка вздор! — думал он горячо и порывисто, — старуха, пожалуй что, и ошибка, не в ней и дело! Старуха была только болезнь... я переступить поскорее хотел... я не человека убил, я принцип убил! Принцип-то я и убил, а переступить-то не переступил, на этой стороне остался... [1, с. 210]

В-третьих, именно тот факт, что сама натура Расколькова стала безупречным зеркалом совершенного им преступления, предательски выдав его рядом неадекватных действий и поступков перед следователем Порфирием Петровичем, несомненно свидетельствует о том, что главный персонаж романа Ф. М. Достоевского, несмотря на совершенные им тягчайшие преступления, по сути дела остался «обычным» человеком, что порождает у самого Расколькова особый, чрезвычайно мучительный духовно-психологический пароксизм боли и отчаяния, вызывающий болезненное извращенное чувство стыда перед самим собой, так и не сумевшим преодолеть «мелкость» своей натуры, дабы посредством преступления войти в вожделенный круг избранных, которым решительно «все позволено». Между тем в действительности в глубине души Расколькова, совершившего столь злодейское преступление, сохранились подлинная человечность и способность к нравственной эмпатии, проявлявшиеся во многих его поступках: в участии в судьбе Мармеладова, а после его гибели — помощи деньгами семейству несчастного пьяницы, теплых чувствах к Поленьке, дружбе с Разумихиным, любви к больной дочери хозяйки, а затем к Соне и т. д. Есть все основания полагать, что злое начало, присутствовавшее в его натуре, не развилось до демонических и тем более сатанинских масштабов, закрывающих практически все возможные пути к будущему возрождению и спасению. Судьба Ставрогина и Петруши Верховенского из романа Ф. М. Достоевского «Бесы», духовно погибших социальных радикалов, также могла стать для него вполне осуществимой жизненной реальностью, причем с весомой

долей вероятности, поскольку после преступления, суда и ссылки на каторгу он не испытывал ни чувства вины, ни раскаяния в убийстве не только зловещей старухи-процентщицы, но даже безобидной и кроткой Елизаветы. Именно на каторге, среди убийц и прочих преступников, его вдруг настигло никогда не испытанное им ранее в такой полноте и силе *tadium vitae* (отвращение к жизни, пресыщенность. — лат.), полностью обесценившее его как Человека. Сердце его омертвело, а душа была черства, и если бы не любовь и преданность Сони, вдруг каким-то чудом пробудившей в нем ответное чувство, то и его не миновала бы участь многих духовно погибших людей:

Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного мира будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого [1, с. 421].

Натура как средостение доброй и злой воли

Нельзя не отметить, что разум и воля Раскольникова в основном «питаются» как из эмпирических условий его существования, так и из духовных источников, среди которых в моменты, предшествующие преступлению и его сопровождавшие, а также какое-то время после его совершения преобладают откровенно inferнальные соблазны, т. н. «прилоги», оформившиеся в мотивы и намерения в виде детализированного плана действий, несомненно помрачающие его разум и волю, а также препятствующие возможности четкого контроля своего поведения в рамках нормального человеческого разумения.

Последний же день, так нечаянно наступивший и все разом порешивший, подействовал на него почти совсем механически: как будто его кто-то взял за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественной силой, без возражений. Точно он попал клочком одежды в колесо машины, и его начало в нее втягивать [1, с. 58].

Разъясняя эту ситуацию, Раскольников сам признавался: «Кстати, Соня, это когда я в темноте-то лежал и мне всё представлялось, это ведь дьявол смущал меня? а? ...я ведь и сам знаю, что меня черт тащил» [1, с. 321]. В этих эпизодах писатель дает недвусмысленно понять читателю, какая именно духовная сила захватила ум и волю Р. Раскольникова.

Здесь хотелось бы сразу предостеречь читателей от скоропалительных суждений, касательно того, что Раскольников совершил свое преступление исключительно по дьявольскому наущению и в таком случае уже как бы не несет непосредственной ответственности за него. Такая позиция ложна, ибо в этом случае она посягает на святая святых христианского вероисповедования — свободу человека в выборе им добра и зла, и самое главное — она в высшей степени чужда воззрениям самого Ф. М. Достоевского, который отнюдь не отрицал личную свободу человека и, разумеется, его персональную ответственность за свои поступки, а в чересчур поспешном и духовно невыверенном милосердии к преступнику видел лишь весьма прискорбный

в социальном и гражданском плане факт попустительства злу. Особенно показательно в этом плане следующее утверждение писателя: «Милосердия сколько угодно, но не хвалите поступок. Назовите его злом» [3, с. 208].

Пожалуй, в основе главной онтологической ошибки Р. Раскольниковова лежит именно его безбожие, причем не столько неверие в Бога как таковое, но выстраданная и простодушно принимаемая за «последнее» слово о человеке идейная монomanия, своего рода абсолютизированная русским сознанием мечта о сверхчеловеке, появившаяся задолго до практически аналогичных писаний Ф. Ницше и пророчески предугаданная профетическим сознанием Достоевского. Более того, речь идет здесь не столько об его личном безбожии и неверии в Бога, сколько о глубочайшем непонимании им провиденциального значения многих исторических событий и деятельности выдающихся исторических личностей. Причем, усвоив воззрения, весьма характерные для молодой русской радикальной интеллигенции 60-х гг. XIX столетия, он, ничтоже сумняшеся, совместил в себе крайнюю философскую безграмотность с несомненной гуманитарной одаренностью, в силу чего совершенно по-школьнически, без размышлений и рефлексии, отождествил бытовую преступность с событиями исторического порядка: войнами, революциями, социальными катаклизмами, где в силу особых причин и следствий внезапно появляются и осуществляют свое метафизическое предназначение люди совершенно особой антропологической природы, как бы действительно предуготовленные кем-то свыше к невероятному масштабу исторических потрясений: разного рода грандиозные политические фигуры, великие полководцы и даже выдающиеся авантюристы всех времен и народов. Да и вообще сам Раскольников, как и большинство представителей современного ему русского образованного общества, воспринимал, например, того же Наполеона как некий социальный кумир, которому следует подражать, так сказать, без особой моралистики и рефлексии:

Мы все глядим в Наполеоны,
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно.
Нам чувство дико иль смешно... [9, с. 36]

Однако Раскольников как раз вследствие своей духовной беспочвенности и откровенной интеллектуальной дезориентированности даже не подозревает того, что люди такого исторического влияния и такого разрушительного эффекта в масштабе производимых ими исторических потрясений появляются далеко не случайно, ибо, участвуя в чрезвычайно сложной и рационально непостижимой историософской «игре» Бога, во-первых, несут в себе наказание людям и народам, избравшим ложные пути бытия; во-вторых, так или иначе создают новые формы жизни, цивилизации и культуры, открывающие широкие возможности для национального или мирового развития. Ведь, например, если бы Наполеон не решился на вторжение в Россию, в среде русского образованного слоя еще долгое время процветала бы франкофилия, и не возникла бы, в частности, русская национальная литература в лице ее великих поэтов и писателей: Пушкина Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского и многих других русских гениев, прекрасно владевших

французским языком и вполне способных создавать литературные шедевры на чужом для народа и им самим иностранном языке. Раскольников же, задумавший и осуществивший свой бессмысленный, прежде всего с духовной точки зрения, социальный эксперимент, не постигает самым фатальным образом этой сложной метафизики истории, предполагая, что совершив весьма рядовое бытовое преступление и не испытав никаких негативных переживаний по этому поводу, сразу же окажется в одном ряду с Александром Македонским, Чингисханом, Тамерланом, Наполеоном и им подобными великими людьми, бывшими в некотором роде избранниками судьбы и высших, надчеловеческих сил, которые всей своей деятельностью, как правило, отнюдь не бескровной, тем не менее осуществляли некую особую миссию в истории человечества. В этом плане Раскольников, к сожалению, воспринимает их жизнь и деятельность отнюдь не как мыслитель, но исключительно как резонерствующий моралист-обыватель, раздающий всем им негативные нравственные оценки и при этом парадоксальным образом пытающийся соответствовать им именно в прерогативе и миссии избранничества.

Последовательно, чрезвычайно глубоко и психологически точно Достоевский изобличает духовную сущность мономании Раскольникова, настолько вошедшую в противоречие с его натурой, что именно вследствие ее он как бы поневоле стал виновником двойного убийства — старухи-процентщицы и ее сводной сестры, безобидной Елизаветы, в отношении которой он не только не имеет никакого чувства раскаяния, но и вообще почти не вспоминает о ней. Между тем имя Елизавета в переводе с древнееврейского означает «заклинающая Богом», «почитающая Бога». Совершенно не случайно Соня Мармеладова имела таинственные свидания с покойной и выражала удивительные суждения по поводу невинно убиенной, о том, что именно она «Бога узрит». Таким образом, Ф. М. Достоевский лишней раз дает понять читателю, что трагедия Раскольникова органично вытекает из отсутствия в его душе каких-либо сакральных чувств.

Вообще, если посмотреть на преступление Раскольникова с чисто утилитарной точки зрения, оно также представляется величайшей нелепицей. Исповедуя перед Соней свои жизненные цели, он неистово провозглашал: «Свободу и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!.. Вот цель! Помни это!» [1, с. 253] Спрашивается, какой же смысл был в том, чтобы для получения власти над людьми убивать тех, кто к этой власти не имеет совершенно никакого отношения?! В конце концов так или иначе к власти приходят совершенно особые люди, бестрепетно совершающие дворцовые перевороты, революции, убийства своих политических противников и др., но отнюдь не антропологи-экспериментаторы, которые, как на мышах или кроликах, производят свои человеконенавистнические опыты над людьми, жертвами которых они по непостижимо рационально, но совершенно достоверному эмпирически закону жизни, впоследствии сами и оказываются — как в духовном, так и в сугубо житейском плане. Так стоят ли все эти мыслимые и немыслимые испытания для того лишь, чтобы почувствовать и определить в себе принадлежность к высшей касте человечества?! Не случайно Раскольников испытывает потом мучительное чувство стыда и постоянно терзающее его сознание совершенной им роковой жизненной ошибки:

Знаешь, Соня, — сказал он вдруг с каким-то вдохновением, — знаешь, что я тебе скажу: если б только я зарезал из того, что голоден был, — продолжал он, упирая в каждое слово и загадочно, но искренно смотря на нее, — то я бы теперь... счастлив был! Знай ты это! [1, с. 318]

Поэтическое саморазоблачение натуры Раскольникова

Попытаемся рассмотреть, каким образом происходил процесс «предательства» натурой Раскольникова его же самого, т. е. какие поступки, а также их очередность и поведение героя Достоевского в целом засвидетельствовали Порфирию Петровичу о том, кто же является истинным убийцей.

В этом контексте, безусловно, имеет смысл рассмотреть все встречи двух указанных персонажей романа и уже непосредственно по ним проследить процесс саморазоблачения Раскольникова.

Так, при первой встрече с Порфирием Петровичем, к которому он шел с Разумихиным в качестве гостя, Раскольников вступает в квартиру следователя, громко смеясь. Причем смех этот был как бы ироничным и не без сарказма, а объектом иронии послужил его ближайший друг, влюбившийся в сестру Раскольникова — Дуню. Нельзя также не отметить, что смех и даже откровенный хохот преступника, пришедшего гостем к следователю, не может не выглядеть в какой-то мере искусственным и принужденным, сознательно инсценированным, т. е. логически тщательно продуманным и имеющим в качестве вполне рационально выверенного психологического основания целью устранить всякие подозрения в наличии у убийцы особых переживаний, напряженности и страха быть изобличенным в преступлении («Смех-то, смех ваш, — откровенничал потом Порфирий Петрович, — как вошли тогда, помните, ведь вот точно сквозь стекло я все тогда угадал, а не жди я вас таким особенным образом, и в смехе вашем ничего бы не заметил. Вот оно что значит в настроении-то быть» [1, с. 346]). Словом, произошел первый «акт» ненатурального поведения Раскольникова, в результате которого он, так сказать, переиграл самого себя, т. е. обнажил свою натуру грубо демонстрационным образом, что, безусловно, не осталось без внимания проницательного Порфирия Петровича. Далее, в процессе общения со следователем Раскольников постоянно находится в состоянии саморефлексии, внутренне отмечая свои оплошности, оговорки, лишние слова, могущие его дискредитировать и изобличить, и эта особая напряженная работа самосознания, также логически совершенно не предусмотренная, но совершенно «натуральная» у постоянно следящего за собой преступника, тоже не может не выдать себя тем или иным образом. Да и вообще во время всей беседы со следователем его мучил постоянно возникавший в сознании вопрос: правильно, натурально ли он ведет себя, знает или не знает Порфирий Петрович, кто в действительности с ним разговаривает. Безусловно, напряженность и сосредоточенность постоянно рефлексирующего над самим собой человека были замечены профессиональным взглядом следователя. А поскольку в разговоре Раскольникова с Порфирием Петровичем принимал участие Разумихин, то его реплики, возникавшие в процессе общения, шли явно в разлад с намерениями Раскольникова, вызывая у него неудержимые приступы раздражения и злобы. Причем эта перманентно возникающая злоба

в процессе разговора, трактуемого преступником как допрос, постоянно возрастала, превратившись в конечном итоге в стойкую ненависть Раскольникова к Порфирию Петровичу, что со стороны вполне могло выглядеть выражением крайней неучтивости к хозяину, общавшемуся с гостями вполне доброжелательно и даже местами добродушно. Более того, в этой первой беседе Раскольникова с Порфирием Петровичем принимал участие также молодой юрист Заметов, с которым накануне Раскольников общался чересчур откровенно, изложив ему, по сути дела, все свои действия в момент и после совершения им преступления, ввергнув тем самым собеседника в состояние когнитивного диссонанса и нравственного потрясения, а затем высмеяв его за то, что тот дерзнул поверить в его «фантазии». Присутствие Заметова также нервировало преступника: он нет-нет да поглядывал в его сторону, следил за его реакциями, будучи уверенным в том, что тот передал их вчерашний разговор Порфирию Петровичу, что, в свою очередь, выразилось в крайнем пренебрежении преступника к Заметову. Кульминационным моментом данного общения, безусловно, стала дискуссия по поводу статьи Раскольникова «О преступлении», которую перед встречей тщательно проштудировал следователь. Сама статья, излагавшая «теорию» Раскольникова о существовании, по сути дела, двух онтологически разных типов людей, имеющих совершенно различные притязания, права и поползновения на свершения чего бы то ни было в человеческом сообществе, и оправдывающая «кровь по совести», а также разъяснения, даваемые новоявленным «теоретиком» отдельных положений данной статьи, ввергли в состояние душевного смятения не только следователя, но и дружественно настроенного к Раскольникову Разумихина. Примечательно, что во время своего философствования Раскольников «смотрел в землю, выбрав себе точку на ковре» [1, с. 201]. Иначе говоря, он не свободно размышлял относительно предмета своей надуманной «теории», но мучительно излагал идейные основы своего уже совершенного преступления, которое тяжелым камнем лежало на его душе, по сути дела, переводя его из разряда интересных собеседников в первоочередные подозреваемые. После длинной тирады Раскольникова, в которой он излагал и комментировал свои воззрения, изложенные в статье, Порфирий Петрович не случайно задал вопросы, касающиеся религиозных убеждений своего визави.

- И-и-и в Бога веруете? Извините, что так любопытствую.
- Верую, — повторил Раскольников, поднимая глаза на Порфирия.
- И-и в воскресение Лазаря веруете?
- Ве-верую. Зачем вам все это?
- Буквально веруете?
- Буквально [1, с. 201].

Согласитесь, что «теория» Раскольникова совершенно не согласуется с христианским учением, обещающим спасение всем раскаявшимся грешникам, где все люди равны перед Богом, призывавшем «не судите, да не судимы будете» и «возлюбите врагов ваших», причем это радикальное несоответствие «идеи» с духовными устремлениями преступника как раз и свидетельствует не об раскаянии, но, наоборот, об удивительной целостности его «натуры»,

апофатически свидетельствующей о присутствии Бога даже в самых крайних проявлениях социального ужаса и деградации. Какие мысли могли возникнуть в сознании Порфирия Петровича в связи с этим дичайшим несовпадением «идей», нетрудно догадаться. Еще одна роковая ошибка, допущенная натурой Раскольникова, касалась совести преступника:

- Вы-таки логичны. Ну-с, а насчет его совести-то?
- Да какое вам до нее дело?
- Да так уж, по гуманности-с.
- У кого есть она, тот страдай, коль сознает ошибку. Это и наказание ему, опричь каторги.
- Ну а действительно-то гениальные, — нахмуясь, спросил Разумихин, — вот те-то, которым резать-то право дано, те так уж и должны не страдать совсем, даже за кровь пролитую? [1, с. 203]

Здесь испорченная мономанией натура Раскольникова также подвергается некой духовно-нравственной аберрации, ведь, как мы уже неоднократно отмечали выше, сам он отнюдь не страдал от угрызений совести, но испытывал совсем другие переживания, главным среди которых было неистребимое сознание уязвленной гордости, от мучительных пароксизмов которой его в полной мере смогла исцелить только жертвенная и поистине великая любовь Сони Мармеладовой.

Наконец, в конце разговора Порфирий Петрович не удержался и от прямого вопроса к автору столь рискованной «теории», прямо заявив ему, не считает ли он возможным для себя, так сказать, применить свою «теорию» на практике, т. е. перешагнуть через препятствия совести и социальных законов, и в конце концов и убить, и ограбить? Нельзя не заметить, что и здесь натура преступника в очередной раз «показала себя», проявившись в крайней форме духовного отвращения к мелочному юридизму офицера полиции: «Если б я и перешагнул, то уж, конечно бы, вам не сказал, — с вызывающим, надменным презрением ответил Раскольников» [1, с. 204].

Итак, отметим, что при первой встрече с Порфирием Петровичем Раскольников вел себя достаточно рискованно, постоянно обнажая свою натуру всевозможными способами, безусловно могущими вызвать вполне понятные подозрения у внимательного следователя. При этом его раздражение и порой злобные реакции на реплики собеседников касательно его «теории» преступления вполне можно было бы «списать» на чувство обиды честного человека, которого хотя бы косвенно подозревают в совершении чудовищного преступления. Думается, что в данном случае у Порфирия Петровича еще не сложилась уверенность в том, что именно Раскольников есть убийца, которого он разыскивает. Однако в целом поведение того отнюдь не могло воспрепятствовать отнесению его в разряд подозреваемых.

Вторая встреча произошла на рабочем месте следователя, и хотя формально она могла быть воспринята как допрос свидетеля, Раскольников воспринимал разговор, состоявшийся с Порфирием Петровичем, и события, которые происходили в это время в «казенном месте», уже как допрос подозреваемого, над которым к тому же проводят некоторые вольные или невольные следственные

эксперименты. Натура Раскольникова подвела его в этот раз именно тем, что он, по его же словам, проявил крайнее малодушие, чрезвычайно разозлившись на следователя, пустившегося, так сказать, в некоторые юридические вольности, а именно в рассуждения о непривлечении преступника к прямому и непосредственному дознанию в интересах предоставления ему почти неограниченной свободы с тем, чтобы он, до предела измучившись сознанием своей преступности и крайней обособленности от людей, сам пришел в полицию с разоблачением своего преступления:

Я не дам себя мучить, — зашептал он вдруг по-давешнему, с болью и ненавистью мгновенно сознавая в себе, что не может не подчиниться приказанию, и приходя от этой мысли еще в большее бешенство, — арестуйте меня, обыскивайте меня, но извольте действовать по форме, а не играть со мной-с. Не смейте... [1, с. 269]

Безусловно, неосознанную оплошность натура Раскольникова допустила и в тот радикальный момент, когда в кабинет следователя явился маляр Николай и признался в убийстве Алены Ивановны и Елизаветы, воспринимаемом им вполне по-русски — как особенное, ниспосланное Высшими силами страдание и мученичество. Порфирий Петрович, поминутно бросая внимательные взгляды на Раскольникова, не мог не обнаружить сложной игры чувств на лице истинного убийцы: крайнего удивления, сильного ободрения на фоне недавней истерики и, наконец, проблеска надежды на благополучный для него исход дела.

Однако последняя встреча с Порфирием Петровичем, состоявшаяся в камере Раскольникова, куда следователь сам явился уже для предъявления ему обвинения в совершении расследуемого им тяжкого преступления, в очередной раз обнаружила противоречие между умонастроениями героя и его натурой, которая на сей раз показала себя прямо и откровенно, что в совершенстве постиг действительно гениальный и пронизательный мастер криминального сыска Порфирий Петрович. В очередной раз наблюдая крайнее смятение Раскольникова, он по-дружески советует ему явиться с повинной, поскольку, обвиняя его как преступника, он постиг в нем временно оступившегося человека, и в таком, казалось бы, совершенно чудовищном преступлении героя Достоевского к тому же узрел некий сокровенный промысел Божий: «Вас, может, Бог на этом и ждал. Да и не навек она цепь-то...» [1, с. 351] Он, как и Соня Мармеладова, сумел постичь духовные глубины натуры Раскольникова, парадоксальным образом свидетельствующие о том, что, будучи убийцей, да еще и убийцей «с идеей», т. е. с полнейшим убеждением в рациональной обоснованности совершенного им преступления, он при всем этом отнюдь не безнадежный человек: «Теорию выдумал, да и стыдно стало, что сорвалось, что уж очень не оригинально вышло! Вышло-то подло, это правда, да вы-то все-таки не безнадежный подлец. Совсем не такой подлец» [1, с. 351].

Таким образом, мы констатируем, что преступление, совершенное Родионом Раскольниковым как попытка практической реализации его теории «крови по совести» и претензий стать неким сверхчеловеком обернулась его полным жизненным крахом. Его натура не была создана для преступления, поэтому она и повела себя так «предательски». Здесь хотелось бы возразить

некоторым литературным критиками и литературоведам, которые полагают неубедительным начало духовно-нравственного возрождения Раскольников, изображенное Ф. М. Достоевским в эпилоге романа. Если бы это было действительно, так, то, с нашей точки зрения, образ Сони Мармеладовой, благодаря беспредельной и жертвенной любви которой начался процесс преображения главного героя романа, был бы совершенно излишним. Между тем он является, пожалуй, вторым по значимости в поэтике и философии знаменитого художественного шедевра Ф. М. Достоевского, ибо Соня, эта «блудница поневоле», по сути дела является неким светским аналогом Марии Египетской, великой грешницы, ставшей впоследствии великой святой христианской Церкви. Для человека, знающего убеждения великого писателя, именно такой исход романа «Преступление и наказание» кажется совершенно естественным и единственно возможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1973. — Т. 6.
2. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1982. — Т. 24.
3. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1982. — Т. 24.
4. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1881. Из записной тетради 1880–1881 гг. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1984. — Т. 27.
5. Достоевский Ф. М. Письмо М. Н. Каткову от 10 (22)–15 (27) сентября 1865, Висбаден / Письма 1860–1868 // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1985. — Т. 28, ч. 2.
6. Гегель Г. В. Ф. Дух христианства и его судьба // Гегель Г. В. Ф. Философия религии: в 2 т. — М.: Мысль, 1975. — Т. 1.
7. Зинченко В. П. Гипотеза о происхождении учения А. А. Ухтомского о доминанте // Человек. — 2000. — № 3.
8. Панайотис Неллас. «Кожаные ризы» // Человек. — 2000. — № 5. — С. 99–111.
9. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. — М.: Художественная литература, 1975. — Т. 4.
10. Сабиров В. Ш., Соина О. С. Ф. М. Достоевский о смысле жизни, смерти и бессмертии (антропология почвенничества) // Вестник РХГА. — 2018. — Т. 19, вып. 4. — С. 211–221.
11. Ухтомский А. А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887–1939. — СПб.: Питер, 2002.